

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В РЕФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Изменение геополитической ситуации определило новое направление поиска форм институциональной европейской безопасности. Возникла также необходимость определения новой роли ранее созданных структур, ответственных за обеспечение стабильности. Облик европейского сообщества сегодня определяет все более тесная интеграция при одновременном уважении к национальной специфике каждого отдельного взятого государства. Именно поэтому реформирование высшей школы нуждается в принципах согласованного действия и институционального равновесия, с учетом риторики современных политических реалий и формальной логики расстановки исторических приоритетов.

Последние годы наглядно продемонстрировали всем нам, что без реального прогресса как в отношении идеологии совместной деятельности, так и в отношении реальных инструментов — единая политика в области реформирования образования так и будет оставаться только постулатами. Мы должны направить все усилия для того, чтобы логика политического влияния России и Беларуси была ориентирована на центр, а не периферию мирового развития, защитить свою культурно-идеологическую независимость. В своих отношениях с Западом следует использовать своеобразные культурные фильтры: проницаемость для новых технологий и информации, которая дестабилизирует сферу культуры и норм.

Для сохранения и утверждения идеи устойчивого развития необходимо определить роль, отдельно взятого человека, отдельно взятой культуры в процессе формирования, в уместности и допустимости идеологических компромиссов. Культурно-идеологический отбор может и должен выступать в качестве эмпирической базы для формирования идеологии; концептуальной основы целостности современного культурно-идеологического самосознания. Учитывая, что развитие культуры происходит на уровне надбиологической надстройки, следует понять, что разговор об идеологических ценностях не может не учитывать логических составляющих современного антропологического, этноцентрированного дискурса, от которых нельзя отказаться ни при каких обстоятельствах.

В условиях современной мировой политической ситуации необходимо повышать уровень согласованности современных действий. Значительная часть научных и культурных проблем не может быть решена, исходя лишь из принципов отраслевого подхода. Пост информационных потоков, «культурных мутаций» значительно по темпам расширяют сами возможности их принципиального осмысления. Здравый смысл как объект, субъект искусства, истории исчез. Сталкиваясь с проектами формирования мировой сцены, которые пытаются воплотить в жизнь европейская и американская мысль, мы видим доминирование своеобразного принципа «целесообразности». Однако, как отмечалось еще В. Гейзенбергом: «Целесообразность — это смерть человечности».

В современном мире человек является сложной белковой структурой воспроизводства культуры. На смену биозволюции приходит эволюция антропоцентрическая, «преобладание фенотипа над генотипом». Такое положение человека противопоставляет его не только остальным биологическим видам, но и всему органическому миру в целом. Человек-разумного, человека-умелого мы должны перейти к новому этапу эволюции — «человеку-творческому», «человеку-терпимому».

Из всех процессов, развивающихся на современном этапе, главным является процесс «установления подлинности» или отсева элементов «испорченного» Чужого от «истинного» и подлинного Своего. Однако возникает вопрос относительно того, что именно выступает в качестве Своего и Чужого, каков характер их взаимоотношений, какие нормы и принципы определяют границы их прав и обязанностей, какова логика формирования норм и правил отношений между Своим и Чужим.

Сегодня национальное самоопределение сталкивается с необходимостью признания своей автономии не за счет изживания Чужого или ценностного противопоставления себя Чужому, но лишь вместе с возможностью реализации собственного уникального бытия Чужого. Речь идет о необходимости признания существования и неустрашимости «различности» (термин Ж. Деррида), о сохранении себя в однородности единства в своей внутренней идентичности. Современные процессы глобализации радикально трансформируют нормы и принципы отношений между Своими и Чужими, изменяют меру оценки Своих и Чужих. Если раньше непонятное и неприемлемое существовало где-то далеко, не затрагивая нас напрямую,

то сегодня, благодаря новейшим коммуникационным технологиям, оно близне непосредственно вторгается в нашу жизнь, требует незамедлительной реакции. «Свои и «чужие» оказались спрессованными в глобальных информационных и финансовых потоках. Высокая плотность глобальных международных, межгрупповых межличностных связей не позволяет уклониться от контекстов, остаться безразличным или нейтральным. В таком тесном взаимодействии резко возрастает опасность отторжения, вражды и прямых столкновений. Отвести эту опасность могут только культура и навыки высокой толерантности.

Универсализация определенных нравственных норм и принципов действия – аналогии с универсальными законами мышления и языка, – конечно же, является необходимым, но ни в коем случае не достаточным условием рационализации действия. Органическое изменение любого социального порядка не может произойти без фактической значимости моральных норм, которые включаются в ряд соответствующих жизненных форм. Как только в веками отстраивающуюся этику включаются «безразличные» элементы по отношению к культурным ценностям, начинаются открытые, неконтролируемые изменения социальной реальности. И именно в процессе аргументации правомерности существования национальной этики нарастают универсальной, радикально национальная идеология изживает себя, так как аргументация предполагает взаимное признание, которое и является центром, вокруг которого циркулируют все моральные проблемы.

Любая нация в процессе своего становления и самоутверждения постоянно должна отвечать на вызовы, притязания, побуждения, оклики, требования Чужого. Лишь в процессе отказа от определения, что такое Чужое, и принятие его как то, на что необходимо ответить, возможно определение, и лишь частичное, Своего и Чужого. Вызов Чужого делает возможным иное видение, мышление и действие, это притязание на порядок здесь и теперь. Значит, несмотря на то, что ранее речь шла о притязании Своего, оно представляет собой лишь реакцию на встречу с Чужим.

Место и роль национальных приоритетов, национальной идентичности находят сегодня в состоянии терминологической неопределенности. Глобализация включает в себя и детерриториализационные эффекты, однако, на уровне повседневного действия индивидов определяются топологией сакрального, приватного. С одной стороны пространство все еще занято, структурировано национальными государствами. С другой стороны, функции и значение современного национального государства в условиях глобализации значительно изменяются. Аксиологическая, метафизическая нагруженность данного понятия (национальное государство) дополнительна классическим выводам и классическим описаниям. Философский диалог о приоритете аксиологических установок над гносеологическими был предвестником открытия соотношения неопределенности, которое в XX веке, в работах В. Гейзенберга и других физиков получило высокую оценку и повлияло на развитие всей научной культуры мышления. Соотношение неопределенностей – частный случай и конкретное выражение общего принципа дополнительности. Не существует единого теоретического решения проблемы в ситуации, когда каждое национальное государство по-своему реагирует на вызов (воображаемое или фактическое) положение в глобализованном мире.

По решению Конференции ООН в Рио-де-Жанейро каждое правительство должно сформировать национальную стратегию устойчивого развития в своей стране. При этом аксиологически и физически неприемлемыми становятся заявления США о стремлении принять на себя лидерство в разработке глобальных мер в области устойчивого развития, а также норм поведения, торговой и внешней политики, которые способствовали достижению устойчивости в мире.

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы отметить, что довольно легко оценивать и осмысливать «открытую» белорусскую идентичность в контексте «Другости».

«всеплющности» и «диктата». Однако, как мы могли убедиться на практике, «этноцентрированного» народа является намного более сложным. Видится уже далеко не чуждым, а преобразованным, переработанным, «интерпретированным», перевернутым «своим». Вглядываясь в зеркало «Другого», мы убеждаемся в существовании иного, отличного, чужого, а наоборот, пространство идеального и ничем не замутненного «лагоднага», «памяркоунага» своего мира, «тутэйшага». «Другой» здесь выполняет очищающую, динамически-терапевтическую функцию. Интересно и то, что, следуя за Делезом, если «Другой» – это мир возможный, то «Я» – мир прошлый. Таким образом, современный белорусский идеологический контекст является «мыслособытием» не истории внешней, а истории проявленной. Речь идет о видимом и конечном, а о невидимом и бесконечном.